

Иерархія Англиканской епископальной церкви.

Провозглашая англиканскую іерархію недѣйствительною, папа Левъ XIII въ буллѣ своей, между прочимъ, говоритъ, что въ англиканскихъ рукоположеніяхъ „къ существующему недостатку *формы* присоединяется *недостатокъ намѣренія*, которое для таинства столь же существенно необходимо“. Въ этихъ немногихъ словахъ ясно выражены два положенія: 1) по ученію рѣзко католической церкви, одно изъ существенныхъ условий для дѣйствительности таинства состоитъ въ томъ, чтобы священнодѣйствующій имѣлъ надлежащее *намѣреніе* къ его совершенію; 2) при рукоположеніяхъ англиканскихъ такого *намѣренія* не достааетъ, что и служитъ однимъ изъ оснований къ отрицанію ихъ дѣйствительности. Поставленное такимъ образомъ въ буллѣ возраженіе противъ дѣйствительности англиканскихъ рукоположеній со стороны намѣренія ихъ совершителей (*intentio ministri*) не представляетъ собою чего-либо новаго. Въ полемикѣ по интересующему насъ вопросу оно давно уже было предметомъ обсужденія и въ общихъ чертахъ его можно выразить такъ: англиканская іерархія не можетъ быть признапа дѣйствительною потому, что какъ составители Эдуардова „чина посвященія“, такъ и рукополагатели Паркера и всѣ послѣдующіе и современные совершители англиканскихъ рукоположеній, никогда не имѣли и не имѣютъ намѣренія поставлять *такихъ* именно епископовъ или пресвитеровъ, какіе должны быть по установленію Христа Спасителя въ истинной христіанской церкви ¹⁾. Въ послѣд-

¹⁾ Больше или менѣе подобную формуровку этого возраженія см. напр.: Köhning p. 167, 216;—Denny et Lacey p. 82, 107;—Pillet. Les ordinations anglicanes et le sacrifice de la messe. London, Oxford, Paris 1896,—p. 3;—Brightman p. 175, 178;—Gaspari. Revue Anglo-Romaine 1896, № 12, p. 531, 538—539. —The Church Review № 1825 p. 638. № 1827. p. 682.

пее время римско-католическіе богословы вопросу о недостаткѣ намѣренія при англиканскихъ рукоположеніяхъ придаютъ особенное значеніе и съ наибольшою подробностію развиваютъ его въ качествѣ главнаго возраженія противъ ихъ дѣйствительности. Вождь современныхъ англійскихъ папистовъ и главный виновникъ недавней папской буллы, кардиналъ Воганъ, настаиваетъ на этомъ пунктѣ почти исключительно, а бенедиктинецъ о. Каммъ уже три года тому назадъ утверждалъ, что теперь весь вопросъ о дѣйствительности англиканской іерархіи сводится въ сущности къ одному пункту, — именно о намѣреніи совершителей рукоположенія ¹⁾. Такое настроеніе римскихъ богослововъ побуждаегь и насъ остановиться теперь на этомъ вопросѣ съ надлежащимъ вниманіемъ.

Въ древней христіанской церкви вопросъ о намѣреніи совершителя таинствъ, какъ объ одномъ изъ существенныхъ условій ихъ дѣйствительности, не былъ предметомъ обсуждения, ибо тогда церковная практика очевидно не представляла къ тому достаточныхъ поводовъ ²⁾. Изъ древнихъ

¹⁾ Gasparri Revue № 12, p. 529.

²⁾ Въ качествѣ подходящаго къ этому дѣлу примѣра, латинскіе богословы указываютъ на разсказъ Руфина, повторяемый Созоменомъ и отчасти Сократомъ. Св. Афанасій Александрійскій, будучи еще отрокомъ, игралъ однажды съ своими сверстниками на берегу моря. Въ игрѣ своей они производили нѣкоторыя вѣщешодѣйствія, при чемъ отрокъ Афанасій изображалъ изъ себя епископа, а нѣкоторые изъ его товарищей — пресвитеровъ. Александрійскій епископъ того времени, св. Александръ случайно увидѣлъ дѣтскую игру и обратилъ на нее особенное вниманіе. Приказавъ привести къ себѣ игравшихъ дѣтей, онъ, вмѣстѣ съ своими пресвитерами, сталъ разспрашивать ихъ и, между прочимъ, узналъ, что они совершали крещеніе пять нѣсколькими изъ своихъ со товарищей, въ дѣйствительности досель еще не крещеными. Епископъ въ точности изслѣдовалъ, какъ дѣйствовались и что именно произносили дѣти, изображая обрядъ крещенія, и убѣдился, что ихъ игра правильно воспроизвела то, что дѣйствительно совершается въ церкви. Тогда епископъ, по совѣщаніи съ кшрономъ своимъ, будто бы постановилъ, что совершенное тѣмъ крещеніемъ съдуге признавать дѣйствительнымъ и такимъ образомъ повторять его снова въ церкви не должно. (Rufini Aquilensis presbyteri historiae ecclesiasticae lib. I, cap. 15 — *См Ecclesiasticae historiae auctores*. Froben. Basileae 1562 p. 283, — *Socratis scholastici ecclesiasticae historiae lib. I, cap. 15; Hermiae Sozomeni Salamini ecclesiasticae historiae lib. II, cap. 17. См Gulielmus Reading Soeratis scholastici et Hermiae Sozomeni historia ecclesiastica graece et latine. Cantabrigiae 1720 p. 44, 67.*) Латинскіе богословы подтверждаютъ этотъ фактъ тщательному изслѣзованію,

церковныхъ писателей только блаженный Августинъ коснулся вопроса о томъ, можетъ-ли быть признано дѣйствительнымъ таинство въ нѣкоторыхъ такихъ случаяхъ, когда совершитель, очевидно, совсѣмъ не имѣлъ намѣренія священнодѣйствовать, когда напр. онъ совершалъ крещеніе, изображая обряды церкви въ шутку, ради забавы, въ подражаніе, или даже прямо въ насмѣшку. По поставивъ эти вопросы, блаж. Августинъ не счелъ возможнымъ дать на нихъ ясный и рѣшительный отвѣтъ. По его свидѣтельству, церковь ни на какомъ соборѣ доселѣ еще не высказывала въ этомъ отношеніи своего рѣшенія, а потому съ своей стороны онъ, воздерживаясь отъ какого бы то ни было приговора, предпочитаетъ ожидать особыхъ божественныхъ указаній ¹⁾.— Только уже въ эпоху схоластики западные богословы прямо ставятъ вопросъ о намѣреніи совершителя таинства, какъ условіи ихъ дѣйствительности, и у Томы Аквинскаго напр. мы находимъ это ученіе развитымъ съ нѣкоторою подробностью въ особомъ параграфѣ его системы ²⁾. Впрочемъ,

какъ примѣръ того, что и въ древней церкви бывали иногда случаи, вызывавшіе церковную власть на обсужденіе вопроса о *намѣреніи* при совершеніи таинства.— Намъ думается, что разсказъ Руфина совсѣмъ не заслуживаетъ того вниманія, какого въ настоящемъ случаѣ его удостоиваютъ. Передаваемый въ немъ фактъ по самому существу своему несвятоенъ и потому серьезные изслѣдователи прямо признаютъ его баснею. (См. въ указанномъ изданіи Сократа и Созомена стр. 44 Note b и 67 Note a.) Противъ его достовѣрности говорить то, что во 1) ни въ сочиненіяхъ св. Афанасія, ни въ похвальномъ словѣ ему св. Григорія Богослова, объ этомъ фактѣ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія; во 2) церковный историкъ Сократъ, какъ извѣстно вносившій въ свой трудъ свидѣнія, заимствованныя у Руфина, лишь послѣ критической ихъ проверки, счелъ возможнымъ передать только первую половину приведеннаго нами разсказа объ иррѣ св. Афанасія съ сверстниками, а тѣ строки, гдѣ говорится о совѣщаніи св. Александра съ клиромъ и о признаніи совершеннаго тѣлми крещенія дѣйствительнымъ, опустилъ, очевидно, не признавъ за ними исторической достовѣрности. Въ нашей богословской литературѣ въ жизнеописаніяхъ свят. Афанасія объ этомъ фактѣ обычно не упоминается. См. напр. Пр. Филарета архіеп. Черниговскаго, Историческое ученіе объ отцахъ церкви т. II, стр. 44. СПб. 1859 г.; А. В. Горскаго, Жизнь св. Афанасія, архіеп. Александрійскаго. Приб. къ Твор. св. отцовъ ч. X, 1851 г. стр. 58.

¹⁾ S. Aurelii Augustini Hippoensis episcopi operum tom IX, p. 201—202. De Baptismo contra Donatistas, lib. VII, cap. 53.—Parisii 1698.

²⁾ Summa totius theologiae. Partis III, vol 2, p 55—57.—Coloniae Agrippinae 1639.

въ то время мнѣніе западныхъ богослововъ объ этомъ предметѣ еще не получило церковнаго утвержденія и не было выражено въ какомъ-либо папскомъ или соборномъ опредѣленіи. Первые заявленія въ этомъ смыслѣ мы встрѣчаемъ лишь въ пятнадцатомъ вѣкѣ со стороны папъ Мартина V и Евгенія IV. По опредѣленію Мартына, людей, подозрѣваемыхъ въ неправоверіи, при допросѣ предписывалось, между прочимъ, спрашивать: „вѣруютъ-ли они, что и порочный священникъ при надлежащей матеріи и съ намѣреніемъ дѣлать то, что дѣлаетъ церковь, истинно разрѣшаетъ, истинно крестить и истинно совершаетъ другія таинства?“¹⁾ Хотя въ этомъ опредѣленіи папа и не поставляетъ своею прямою задачей перечислять все существенныя условія дѣйствительности таинствъ, однако онъ ясно выражаетъ мысль, что однимъ изъ такихъ условій со стороны совершителя служить наличность „намѣренія дѣлать то, что дѣлаетъ церковь“.—Въ декретѣ Евгенія ученіе западной церкви объ этомъ предметѣ выражено уже съ гораздо болѣею опредѣленностію. Здѣсь папа говоритъ, что „все таинства совершаются тремя (т. е. условіями), а именно: веществомъ, какъ матеріей, словами, какъ формой, и личностію священника, со ершающаго таинство съ намѣреніемъ дѣлать то, что дѣлаетъ церковь; если чего либо изъ сихъ не достаетъ, таинство не совершается“. ²⁾ Затѣмъ это ученіе окончательно утверждено было Тридентскимъ соборомъ подъ страхомъ церковнаго проклятія за уклоненіе отъ него. Соборъ опредѣляетъ: „если кто станетъ говорить, что въ священникахъ, когда они совершаютъ и преподаютъ таинства, не требуется намѣреніе по меньшей мѣрѣ дѣлать то, что дѣлаетъ церковь, тотъ да будетъ анафема“. ³⁾ Итакъ, послѣ приведен-

¹⁾ *Utrum credant, quod malus Sacerdos cum debita materia et cum intentione faciendi quod facit Ecclesia, vere absolvat, vere baptizet, et vere conficiat alia sacramenta?*—Liebermann *Institutiones theologiae* tom IV p. 169.

²⁾ *Haec omnia sacramenta tribus perficiuntur, videlicet rebus tanquam materia, verbis tanquam forma et persona ministri conferentis sacramentum cum intentione faciendi, quod facit ecclesia, quorum si aliquid desit, non perficitur sacramentum.*—Bium. *Concilia generalia etc.* tom. VIII, p. 85. *Lu-tetiae Parisiorum* 1636.

³⁾ *Canones et decreta concilii Tridentini. Sessio VII. De sacramentis in genere, can XI „Si quis dixerit, in ministris, dum sacramenta conficiunt et*

ныхъ опредѣленій, имѣющихъ за собою авторитетъ такихъ соборовъ, которые на западѣ признаются, какъ извѣстно, вселенскими ¹⁾, ученіе о намѣреніи совершителя таинствъ, какъ существенномъ условіи ихъ дѣйствительности, возведено уже въ римско-католической церкви на степень догмата. Но не трудно замѣтить, что папы и соборы, утверждая это ученіе, не опредѣлили смыслъ его съ достаточною ясностію. Они единогласно повторяютъ лишь ту мысль, что для дѣйствительности таинства необходимо, чтобы его совершитель имѣлъ намѣреніе по меньшей мѣрѣ дѣлать то, что дѣлаетъ церковь (*intentio saltem faciendi, quod facit ecclesia*); но такое выраженіе, очевидно, настолько неопредѣленно, что неизбежно вызываетъ много вопросовъ, и даетъ широкій просторъ разнаго рода толкованіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое это, требующееся отъ совершителя таинства, намѣреніе и въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать его? Разумѣть-ли подъ нимъ внутреннее душевное состояніе совершителя, которое въ такомъ случаѣ можетъ знать и о которомъ можетъ судить только онъ самъ, или же должно цѣнить его намѣреніе лишь настолько, насколько оно обнаруживается въ какихъ-либо внѣшнихъ проявленіяхъ? Если признать послѣднее, то является необходимость опредѣлить, въ чемъ именно выражаетъ совершитель таинства присутствіе у него надлежащаго намѣренія? Достаточно-ли въ такомъ случаѣ съ его стороны внимательнаго и точнаго выполненія всѣхъ подробностей установленнаго церковію чинопослѣдованія, или же необходимо удостовѣриться въ томъ, что онъ имѣетъ здравое понятіе о существѣ и цѣли совершаемаго имъ таинства и имѣетъ въ виду не только исполнить внѣшній обрядъ, но и произвести имъ нѣ вѣрующихъ извѣстныя благодатныя дѣйствія? Наконецъ, можетъ быть вопросъ и о томъ, какую именно церковь слѣдуетъ разумѣть, когда говорится, что совершитель таинства долженъ имѣть намѣреніе дѣлать то, что дѣлаетъ церковь? Необходимо-ли, по смыслу приведенныхъ опредѣленій, под-

conferunt, non requiri intentionem saltem faciendi quod facit ecclesia: anathema sit.—Ed. Richter. Lipsiae 1853. p. 41.

¹⁾ Декретъ папы Евгенія IV, какъ мы прежде имѣли случай замѣтить, изданъ имъ въ качествѣ „одобреннаго святымъ Флорентійскимъ соборомъ“.

разумѣвать здѣсь исключительно церковь римскую со всѣми ея догматическими и обрядовыми особенностями, или же эти опредѣленія не отрицаютъ значенія и другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, насколько послѣднія въ своемъ совершеніи таинствъ удовлетворяютъ основнымъ требованіямъ христіанства? Всѣ подобныя вопросы, благодаря недостаточной опредѣленности указанныхъ постановленій, допускали, конечно, разнообразныя рѣшенія, а потому въ римско-католическомъ богословіи ученіе о намѣреніи совершителя таинствъ до послѣдняго времени не имѣетъ еще окончательно установленнаго смысла. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, идетъ по этому вопросу между латинскими богословами неслыханный споръ ¹⁾, при чемъ усиленное стремленіе разобраться во всѣхъ его подробностяхъ побуждаетъ ихъ иногда къ такимъ необыкновеннымъ схоластическимъ тонкостямъ и ухищреніямъ, которыя на непрічастнаго спору православнаго читателя производятъ очень страшное впечатлѣніе. Не безъ удивленія удивленія читаетъ онъ напр. серьезныя разсужденія по вопросу о томъ, можетъ-ли быть таинство признано дѣйствительнымъ, если священнодѣйствующій, совершая крещеніе, мысленно произноситъ: „я желаю совершать то, что совершаетъ церковь, но не желаю въ этомъ дѣйствіи сообщать крещаемому дары благодати“, или, совершая рукоположеніе, мыслить: „я рукополагаю тебя во священника, но не намѣренъ преподавать тебѣ какую-либо власть къ совершенію евхаристической жертвы“ ²⁾. Не безъ удивленія встрѣчаетъ онъ утонченныя различенія разныхъ видовъ намѣренія (*intentio actualis, virtualis et habitualis*) и стремленіе опредѣлить, какой именно изъ этихъ видовъ можетъ быть признанъ достаточнымъ для дѣйствительности таинства ³⁾. Съ изумленіемъ останавливается онъ наконецъ предъ такими случаями, когда латинскіе богословы для вы-

¹⁾ Kötting p. 215;—Perrone V, 367, 388—391;—Liebermann IV, 167, 174;—Klee. Manuel de l'histoire des dogmes chrétiens, tom. II, p. 184. Paris 1848;—Revue internationale de théologie 1895, p. 6.

²⁾ Gasparri. Revue Anglo-Romaine N° 12, p. 537—538;—Liebermann IV, 175;—Denny et Lacey 41, 96.

³⁾ Bellarmini Disputationum de controversiis christianae fidei tomus III, p. 55. Praegae et Francofurti 1721;—Mayr. Trismegistus I, 417;—Perrone V, 367;—Liebermann IV, 176 и др.

ясненія своихъ мыслей прибѣгаютъ иногда къ совершенно невѣроятнымъ примѣрамъ, разсуждая напр. даже о попугаѣ, обученномъ совершать обливаніе и произносить формулу крещенія ¹⁾. Мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на подробномъ разсмотрѣніи всѣхъ этихъ схоластическихъ тонкостей, но постараемся уяснить римско-католическое ученіе о намѣреніи совершителя таинствъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой это представляется необходимымъ для изслѣдуемаго нами вопроса.

Опредѣляя условія дѣйствительности таинствъ, латинское богословіе подъ именемъ намѣренія совершителя разумѣетъ такое его душевное настроеніе (*animi deliberatio*), когда онъ намѣревается совершить дѣйствіе священное, установленное Христомъ, или обычно совершаемое церковію ²⁾. При этомъ подъ намѣреніемъ не разумѣется мысль тайная, извѣстная лишь самому совершителю таинства и недоступная никакому стороннему наблюденію. Такая скрытая мысль, какова бы ни была она, не можетъ имѣть значенія, ибо она составляетъ личную принадлежность священподѣйствующаго, а онъ, совершая таинство, дѣйствуетъ не отъ себя лично и не своею властію, а именемъ и властію церкви, какъ ея служитель ³⁾. Съ другой стороны, скрытая мысль совершителя никому изъ постороннихъ лицъ не можетъ быть извѣстна, а потому, если допустить ея вліяніе на дѣйствительность таинства, никто не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ дѣйствительно принялъ то или другое таинство, ибо никто не знаетъ, какова была въ данномъ случаѣ мысль священподѣйствующаго ⁴⁾. Въ буллѣ своей „*Apostolicae Curae*“ папа Левъ XIII рѣшительно заявляетъ, что „о мысли или намѣреніи, насколько оно, по самому существу своему, есть нѣчто внутреннее, церковь не судитъ“ ⁵⁾, а англиканскіе архіепископы въ отвѣтъ на буллу еще болѣе выясняютъ мысль паны, говоря, что „едва ли кто можетъ проникнуть внутреннюю мысль священника, такъ что

¹⁾ Perrone V, 368.

²⁾ Perrone V, 366—367;—Bellarminus III, 56.

³⁾ Thomas Aquinatus. Summa. Pars III, (quest. LXIV, art. VI), vol. 2. p. 57,—Liebermann IV, 171—172,—Ср. Brightman 175—176.

⁴⁾ Th. Aqu. Ib. III, 55—56,—Liebermann IV, 174.

⁵⁾ B. V. 1896, XI, 323.

нельзя сказать, что отъ нея зависитъ дѣйствительность таинства¹⁾. Игакъ, намѣреніе совершителя не должно быть понимаемо въ смыслѣ его скрытой внутренней мысли; о такомъ намѣреніи „церковь не судить“, „но“, продолжаетъ папская булла, „она должна судить о немъ, насколько оно проявляется во внѣ“. — Смотри по направленію намѣренія, латинское богословіе называетъ его внѣшнимъ или внутреннимъ (*intentio externa et interna*). *Внѣшнимъ* намѣреніе совершителя называется тогда, когда оно имѣетъ своимъ предметомъ лишь точное выполненіе всѣхъ обрядовыхъ установленій таинства, предписываемыхъ церковію; а *внутреннимъ* оно становится тогда, когда совершитель имѣетъ въ виду не только исполнить въ точности всѣ установленные обряды, но именно совершить таинство и посредствомъ его произвести извѣстныя благодатныя дѣйствія²⁾. Въ ближайшемъ уясненіи этого различія и въ рѣшеніи вопроса о томъ, какое именно намѣреніе необходимо для дѣйствительности таинства, западные богословы часто очень разногласятъ между собою, при чемъ то признается со стороны совершителя вполне достаточнымъ обнаруженіемъ долгаго намѣренія лишь точное выполненіе всѣхъ подробностей обряда, безъ всякой мысли объ ихъ внутреннемъ значеніи; то требуется, чтобы совершитель имѣлъ въ виду дѣйствіе священное, или таинство, которое установлено Христомъ и именно въ этомъ смыслѣ обычно совершается церковію; то наконецъ считается необходимымъ даже то, чтобы совершитель держалъ въ своей мысли и самую конечную цѣль совершаемаго имъ таинства, имѣя намѣреніе произвести именно тѣ благодатныя дѣйствія, которыя, по Божественному установленію, предназначены для каждаго таинства³⁾. При такомъ разногласіи латинскихъ богослововъ, очевидно, особенное значеніе получаетъ то, что недавно высказано по спорному вопросу въ буллѣ Льва XIII. Это авторитетное заявленіе должно, повидимому, положить конецъ вѣковому спору и дать ученію о намѣреніи ясное выраженіе.

1) Responsio p. 14.

2) Perrone V, 367, —Revue Internationale 1895, p. 6

3) Bellarminus III, 55—56, 59; —Mayr. Trismegistus I, 417; —Perrone V, 388—391, —Liebermann IV, 163—169; —Klee II, 184—186.

„Къ существенному *недостатку формы*“, читаемъ мы въ буллѣ объ англиканскихъ рукоположеніяхъ „присоединяется *недостатокъ намѣренія*, которое для таинства столь же существенно необходимо. О мысли или намѣреніи, насколько оно, по самому существу своему, есть нѣчто внутреннее, церковь не судить; но она должна судить о немъ, насколько оно проявляется во внѣ. Итакъ, ежели кто-либо при совершеніи и преподаваніи таинства благоговѣнно и по чину употребляетъ матерію и надлежащую форму, тотъ по этому самому признается имѣющимъ намѣреніе совершать то, что совершаетъ церковь. На это основаніе опирается ученіе, по которому дѣйствительно таинство, преподаваемое даже еретикомъ или некрещенымъ, лишь бы оно было преподавано по чину католическому. Наоборотъ, ежели чинъ измѣненъ съ явною цѣлію ввести другой, непринятый церковію, и отвергнуть тотъ, который она совершаетъ, и который по установленію Христа, относится къ самому существу таинства; тогда очевидно, что не только не достаетъ таинству необходимаго намѣренія, но это намѣреніе даже противно таинству и уничтожаетъ его“.—Приведенными строками исчерпывается все, что папа Левъ счелъ нужнымъ сказать въ своей буллѣ по вопросу о намѣреніи. По смыслу его словъ, намѣреніе совершителя таинства *съ положительной стороны* выражается исключительно лишь въ благоговѣнномъ и точномъ выполненіи установленнаго церковію чинопоследованія, такъ что „ежели кто-либо при совершеніи и преподаваніи таинства благоговѣнно и по чину употребляетъ матерію и надлежащую форму, тотъ *по этому самому признается имѣющимъ намѣреніе* совершать то, что совершаетъ церковь“. Отсюда, повидимому, съ полнымъ правомъ можно заключить, что папская булла узаконяетъ пониманіе намѣренія въ смыслѣ исключительно внѣшнемъ, т. е. въ качествѣ *intentio externa*. Однако такое заключеніе не мирится съ тѣмъ, что высказываетъ папа о томъ-же предметѣ *со стороны отрицательной*. „Ежели чинъ измѣненъ“, читаемъ мы далѣе въ буллѣ, „съ явною цѣлію ввести другой, не принятый церковію“... и т. д.; „тогда очевидно, что не только не достаетъ таинству необходимаго намѣренія, но это намѣреніе даже противно таинству и уничтожаетъ его“. Если такъ, то, въ случаѣ

произведенныхъ въ чинѣ измѣненій или опущеній, при оцѣнкѣ намѣренія совершителя является необходимостью изслѣдовать характеръ этихъ измѣненій и опредѣлить: касаются ли они лишь второстепенныхъ и несущественныхъ обрядовъ, или же искажаютъ то, что установлено Самимъ Христомъ и что относится къ самому существу таинства, т. е. для оцѣнки *намѣренія* оказывается необходимымъ коснуться вопроса о томъ, какое пониманіе самой сущности и цѣли таинства обнаруживаетъ совершитель при своемъ священнодѣйствіи, при чемъ дѣло идетъ уже, очевидно, о намѣреніи внутреннемъ (*intentio interna*). Такое именно пониманіе намѣренія въ смыслѣ *внутренняго* можно признать въ римско-католической церкви господствующимъ. На немъ усиленно настаивали многіе латинскіе богословы прежнихъ лѣтъ ¹⁾. Его развиваютъ и теперь, когда, доказывая въ англиканскихъ рукоположеніяхъ недостатокъ намѣренія, выставляютъ на видъ, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что англиканская церковь не принимаетъ - де ученія о тѣлесномъ присутствіи Христа въ таинствѣ евхаристіи и въ своемъ чинѣ посвященія устранила все то, что выражаетъ значеніе евхаристіи какъ жертвы, а потому при ея рукоположеніяхъ совершитель таинства не имѣетъ - де намѣренія поставлять именно такихъ священнослужителей, какіе установлены Христомъ и должны быть въ истинной христіанской церкви ²⁾. При такой постановкѣ вопроса о намѣреніи все въ немъ сводится, очевидно, къ изслѣдованію „чина“. Въ самомъ дѣлѣ, намѣреніе совершителя таинствъ понимается не въ смыслѣ его внутренней скрытой мысли, а цѣнится лишь настолько, насколько оно проявляется во вѣ. Такимъ вѣшнимъ проявленіемъ служатъ, конечно, тѣ слова и дѣйствія, которыя произноситъ и производитъ священнодѣйствующій при совершеніи таинства; но выборъ этихъ словъ и дѣйствій, какъ извѣстно, не предоставляется его личному произволу, а опредѣляется установленнымъ церковію чинопослѣдованіемъ, при чемъ совершитель таин-

—

¹⁾ Bellarminus III, 55, 56, 59, — Mayr I, 417, — Petrone V, 367, 389—391, — Liebermann IV, 168.

²⁾ Пап. Гаспарри и кард. Вотанъ. Gasparri. Revue 12, pp. 529, 534, 538—539.

ства является только исполнителемъ предписаній церкви. Если же такъ, то достаточность или недостаточность намѣренія обнаруживается, очевидно, въ томъ, исполнилъ-ли совершитель таинства „благоговѣнно и по чину“ все то, что предписывается церковію, и затѣмъ самый этотъ чинъ, предписываемый церковію, соотвѣтствуетъ-ли установленію Христа, заключасть-ли въ себѣ все, относящееся къ существу таинства, и выражасть-ли правильное понятіе о его характерѣ, значеніи и цѣли? Если при изслѣдованіи рукоположеній утвердительный отвѣтъ на всѣ эти вопросы не подлежитъ сомнѣнію, то съ римско-католической точки зрѣнія можно тогда считать доказаннымъ, что совершитель таинства дѣйствительно имѣлъ намѣреніе рукоположить именно такого епископа, или пресвитера, или діакона, каковъ долженъ быть въ истинной Христовой церкви. Вотъ почему папа Левъ имѣлъ полное право сказать въ своей буллѣ, что по вопросу объ англиканскихъ посвященіяхъ „на внимательномъ разсмотрѣніи чина рукоположенія сосредоточивается вся сущность дѣла“. Столько же правъ былъ и о. Каммъ, когда утверждалъ, что „теперь весь вопросъ о дѣйствительности англиканской іерархіи сводится въ сущности къ одному пункту, —именно о намѣреніи совершителей рукоположенія“, ибо изслѣдованіе „намѣренія“ приводитъ, какъ мы видѣли, къ изслѣдованію того-же „чина“.

Такъ поставленный вопросъ о намѣреніи, по нашему мнѣнію, совершенно утрачиваетъ свое самостоятельное значеніе. При его обсужденіи рѣчь идетъ или *о достаточности „чина“*, т. е. употребляющихся въ немъ матеріи и формы, или *о правильности* выражаемыхъ въ этомъ чинѣ *догматическихъ воззрѣній* относительно нѣкоторыхъ пунктовъ ученія о священствѣ и евхаристіи. Въ первомъ случаѣ, слѣдовательно, дѣло идетъ о томъ, что мы называемъ „видимую стороною“ таинства, а въ послѣднемъ — о догматахъ вѣры, т. е. и тамъ и здѣсь изслѣдованіе переходитъ въ совершенно особыя самостоятельныя области и не остается для него ничего такого, что составляло-бы спеціальную принадлежность вопроса о намѣреніи. Это обстоятельство замѣтно отразилось и на буллѣ папы Льва XIII-го. Главную причину недѣйствительности англиканскихъ руко-

положеній папа видитъ въ *недостаткъ формы*, при чемъ довольно подробно раскрываетъ ту мысль, что въ англиканскомъ чинѣ посвященія нѣтъ надлежащихъ опредѣленныхъ указаній „на степень священства, или ея благодать и власть, которую въ особенноти составляетъ власть *освящать и приносить въ жертву истинное тѣло и истинную кровь Господа*“; „изъ молитвъ умышленно исключено все то, что въ чинѣ католическомъ отчетливо выражаетъ достоинство и служеніе священства“; „во всемъ чиновникѣ не сдѣлано никакого открытаго упоминанія о жертвоприношеніи, освященіи, священствѣ, власти освящать и приносить жертву“. Папа такимъ образомъ доказываетъ, что англиканскія рукоположенія недействительны, такъ какъ чинъ, по которому они совершаются, не имѣетъ надлежащей формы и не выражаетъ правильнаго понятія о священствѣ. Затѣмъ онъ переходитъ къ другому, повидимому самостоятельному, возраженію и заявляетъ, что „къ существенному *недостатку формы*“ въ англиканскихъ рукоположеніяхъ „*присоединяется недостатокъ намѣренія*“. Читатель буллы естественно ожидаетъ, что и это возраженіе будетъ раскрыто съ неменьшею подробностію. Однако въ настоящемъ случаѣ папа ограничивается только заявленіемъ, что намѣреніе выражается въ благоговѣйномъ выполненіи чина, такъ что удовлетворяющій этому условію признается имѣющимъ намѣреніе, а если измѣнитъ чинъ, отсутствуетъ и намѣреніе. Никакого дальнѣйшаго раскрытія этого возраженія мы въ буллѣ не встрѣчаемъ. Причину такой неравнолѣрности въ развитіи возраженій понять не трудно. Въ той постановкѣ, какая дана латинскимъ богословіемъ вопросу о намѣреніи, у этого вопроса не оказывается своего самостоятельнаго содержанія. Если бы папа въ своей буллѣ пожелалъ дать и этому возраженію подробное раскрытіе, онъ вынужденъ былъ-бы только повторять то, что уже ранѣе было имъ высказано относительно недостатковъ англиканскаго чина. Уклонясь отъ неизбежныхъ повтореній, папа и долженъ былъ ограничиться заявленіемъ, что выполненіе надлежащаго чина свидѣтельствуетъ о присутствіи намѣренія и наоборотъ недостатки чина указываютъ на недостатокъ намѣренія. Такое заявленіе, по нашему мнѣнію, равносильно признанію, что во-

прось о намѣреніи совѣсьмъ не имѣеть самостоятельнаго значенія.—Соотвѣтственно тому, какъ по вопросу о намѣреніи, противники англиканскихъ рукоположеній направляютъ свои нападенія на нихъ, ведется, конечно, и ихъ защита; а потому и въ ней рѣчь о намѣреніи сводится въ сущности къ доказательствамъ *достаточности* англиканскаго *чина* посвященія и *правильности* тѣхъ *догматическихъ воззрѣній*, которыя въ немъ выражаются ¹⁾, т. е. къ изслѣдованію вопросовъ, имѣющихъ свое особое, самостоятельное содержаніе.

Ученіе о намѣреніи совершителя таинствъ, какъ объ одномъ изъ условій ихъ дѣйствительности, не составляетъ исключительную принадлежность церкви римско-католической. Это ученіе высказывается и въ православной восточной церкви, а потому намъ предстоитъ теперь разъяснить его истинный смыслъ и заѣмъ опредѣлить: дастъ-ли православное ученіе о намѣреніи совершителя таинствъ какія-либо основанія къ тому, чтобы возражать съ этой стороны противъ дѣйствительности англиканскихъ рукоположеній?

Въ „православномъ повѣданіи“ мы читаемъ: „Сколько вещей требуется для таинства? Три: приличное вещество, какъ-то вода для крещенія, хлѣбъ и вино для евхаристіи, елей и другія, сообразныя съ таинствомъ; во-вторыхъ, священникъ, законно рукоположенный, или епископъ; въ третьихъ, призваніе Св. Духа и пѣвѣстная форма словъ, посредствомъ которыхъ священникъ освящаетъ таинство силою Св. Духа, *изъявляя намѣреніе освятить оное* ²⁾“. Подобное-же указаніе можно встрѣтить въ греческомъ текстѣ „посланія восточныхъ патріарховъ“. Въ шестнадцатомъ членѣ этого посланія говорится, что таинство крещенія совершается священникомъ, но по неизбѣжной необходимости можетъ быть совершено и другимъ человѣкомъ, только православнымъ и *имѣющимъ намѣреніе соотвѣтственное*

1) Responsio Archiepiscoporum pp. 14—35;—Paller. Les ordinations anglicanes pp. 3—57;—Idem. The Bull etc. pp. 36—62;—Brightman pp. 175—185,—Denny et Lacey pp. 82—102, —и др.

2) Часть I, вопросъ 100.— По гречески послѣднее выраженіе читается такъ: *ὡς ὁρίζεται ἐπισημασμένη τοῦ ἐκείνου ἐνέργεια*, а въ славянскомъ переводѣ это передано такимъ образомъ: „съ мыслію изреченою еже освятити тую“ (т. е. „таинву“).

Божественному крещенію (κατ' ἀνάγκην ἀποφάσιστον ἔχει γίνεσθαι καὶ δι' ἕτερον ἀνθρώπου, πλήρ' ὀρθοδόξου καὶ σχολῶν ἔχοντος τὸν ἀριόδιον τῷ θεῷ βυλίῳματι) ¹⁾. Изъ этихъ, правда весьма немногихъ, указаній очевидно, что православная церковь однимъ изъ условій при совершеніи таинства поставляетъ, чтобы священнодѣйствующій имѣлъ надлежащее *намѣреніе* (ὑπόψιν ἀποφάσιστην, σχολῶν) къ пхъ совершенію; но приведенныя выраженія символическихъ книгъ настолько кратки и общи, что для ихъ уясненія необходимо обратиться къ руководству православныхъ богослововъ.

Въ противоположность римско-католическому богословію, православные представители этой науки на вопросъ о намѣреніи совершителя таинствъ весьма мало обращаютъ вниманія. Во многихъ полныхъ курсахъ православно-догматическаго богословія и въ спеціальному сочиненіи о таинствахъ преосв. епископа Евсевія о намѣреніи совершителя совсѣмъ нѣтъ напр. ни малѣйшаго упоминанія ²⁾, а другой православный богословъ, преосв. архіепископъ Игнатій, также написавшій особый трудъ о таинствахъ, ограничивается по вопросу о намѣреніи лишь буквальною выдержкою изъ „православнаго исповѣданія“, не присоединяя къ ней съ своей стороны никакихъ объясненій ³⁾. Такое отношеніе къ вопросу многихъ православныхъ богослововъ, при сопоставленіи съ весьма краткими, какъ-бы вскользь брошенными, выраженіями объ этомъ предметѣ символическихъ книгъ, невольно вызываетъ предположеніе, что ученію о намѣреніи совершителя таинствъ православная церковь, очевидно, не придаетъ особенной важности, а это можетъ, конечно, зависѣть исключительно отъ того, что, по православному ученію, „намѣреніе“ въ настоящемъ случаѣ понимается совсѣмъ не въ такомъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ изъясняетъ его церковь западная. Чгобы убъ-

¹⁾ Kimmel I, 454. --Въ славянскомъ переводѣ это выраженіе передано пѣсколько иначе, а именно: „но нужды же можетъ бытъ совершено и простымъ челоукомъ, но только православнымъ и пригомъ *понимающимъ важность Божественнаго крещенія*“.

²⁾ См. напр. курсы богословія, архим. Антонія, архіеи. Филарета, еп. Сильвестра, еп. Лустина и „Весѣды о седми спасительныхъ таинствахъ“ еп. Евсевія.

³⁾ О таинствахъ единой, святой, соборной и апостольской церкви стр. 41.

даться въ этомъ, обратимся къ тѣмъ православнымъ богословамъ, у которыхъ по изслѣдуемому нами вопросу можно встрѣтить нѣкоторыя разъясненія.

Святитель Тихонъ Воронежскій, излагая ученіе объ условіяхъ, которыя должны быть соблюдаемы при совершеніи таинствъ, между прочимъ, говоритъ: „долженъ священникъ вѣдать, какими словеса совершается тайна; а притомъ долженъ имѣть крѣпкое намѣреніе къ совершенію тайны, еже по чину церковному дѣйствовать и совершати тую силою Святаго Духа; а безъ такого намѣренія, или когда священникъ не вѣдаетъ, какими словами тайна совершается; или когда въ безпамятствѣ дѣйствуетъ безъ всякаго намѣренія, никогда не совершаетъ тайны, но яко неключимый рабъ вѣчнѣ въ погибель осуждается“ ¹⁾.

Архимандритъ Иринеи (Фальковскій) на вопросъ: требуется ли намѣреніе совершителя для цѣлости и дѣйствительности таинства?—отвѣчаетъ такъ: „намѣреніе внѣшнее (*externa*), состоящее въ примѣненіи всѣхъ таинственныхъ словъ и дѣйствій, всеконечно требуется для существенной цѣлости таинства; внутреннее же (*interna*) намѣреніе хотя и нужно ради чести совершителя (*ad decorum ministri*), однако недостатокъ его не уничтожаетъ дѣйствительности таинства“ ²⁾. Последнее изъ этихъ положеній арх. Иринеи, между прочимъ, доказываетъ тѣмъ, что 1) для приѣмлющаго таинство дѣйствительность его должна быть *несомнѣнною* (*certa*), а такую она не можетъ быть, если зависитъ отъ внутренняго намѣренія совершителя, ибо кто въ состояніи знать его, кромѣ Бога? 2) Невѣрность людей не уничтожаетъ вѣрность Божию. Рим. III, 3. 3). Какъ слово Божіе дѣйственно, хотя бы проповѣдывалось и съ дурнымъ намѣреніемъ (Филип. I, 15), такъ таинство законно совершается и безъ добраго намѣренія.

Преосвящ. Макарій говоритъ: „тогда только каждое таинство будетъ таинствомъ, и будетъ благодатно дѣйствовать на человѣка, когда будетъ совершаемо по волѣ Господа Іисуса, согласно съ Его установленіемъ: это само собою очевидно. А такъ какъ совершеніе cadaго таинства согласно

¹⁾ Остальные сочиненія стр. 3.

²⁾ Compendium II, 66.

съ волею Господа Иисуса возможно только подъ условіемъ, если совершители таинствъ, существа разумныя и свободныя, будутъ имѣть вниманіе къ тому, что и какъ они совершаютъ, и желаніе совершить священнодѣйствіе установленнымъ образомъ: то естественно отъ пастырей церкви, пресвитера и епископа, при совершеніи таинствъ, требуется намѣреніе совершить то или другое таинство по Богопреданному чину¹⁾.

Наконецъ, у прот. А. В. Горскаго читаемъ: „что нужно для спасительнаго и благотворнаго дѣйствія таинства?— Со стороны совершителя, при священнодѣйствіи, намѣреніе (*intentio*) совершить таинство. Требованіе это а) утверждается на Православномъ исповѣданіи (вопр. 100) и на греческомъ текстѣ 16-го члена Патріаршихъ грамотъ, и б) подкрѣпляется соображеніемъ о существенномъ значеніи намѣренія и цѣли во всякомъ нравственномъ дѣйствіи и о необходимости придать этимъ средствомъ единство всей совокупности дѣйствій, входящихъ въ составъ извѣстнаго таинства. На что именно должно быть устремлено вниманіе и намѣреніе совершителя таинства? На вѣдѣніи актъ, на общую цѣль таинства, и на того, во чье имя и чьею властію совершаетъ онъ таинство?“ „При первоначальномъ устройствѣ богослуженія“, прибавляетъ прот. А. В. Горскій въ другомъ мѣстѣ своихъ чтеній, „когда не было еще вполне опредѣленныхъ чиноположеній и записанныхъ правилъ для совершения того или другого таинства, когда многое въ исполненіи предоставлялось собственному благочестивому настроенію священнодѣйствующаго, — тогда требованіе, чтобы все въ таинствѣ сосредоточивалось на одной цѣли, какую имѣлъ въ виду Иисусъ Христосъ и передала Церковь, было неизбѣжно. Иначе произволъ ничѣмъ бы не сдерживался“...²⁾

Насколько представляется возможнымъ, при содѣйствіи указанныхъ богослововъ, выяснить православное ученіе о намѣреніи совершителя таинствъ; постараемся изложить его въ краткихъ и ясныхъ чертахъ.

1) Православно-догматическое богословіе V, 57.

2) Рукописи бібліотеки Московской Духовной академіи. Академическія чтенія по догматическому богословію № 51, стр. 1 и № 91, стр. 4.

1) Не подложить сомнѣнію, что, по ученію православной церкви, въ ряду существенныхъ условій при соверше- ннн таинства требуется и надлежащее намѣреніе со стороны совершителя. Это требованіе, какъ мы видѣли, ясно выра- жено въ символическихъ книгахъ и единодушно выставляется всѣми православными богословами, которые сколько-либо касаются вопроса о намѣреннн.

2) Подъ намѣреніемъ, по православному воззрѣнію, разу- мѣется не внутренняя мысль, скрытая въ душѣ священно- дѣйствующаго, а такая, которая обнаруживаетъ себя во внѣшнихъ проявленіяхъ. Въ „православномъ исповѣданнн“ она называется не просто „мыслію“ (*γνώμη*), а „мыслію изреченою“ (*γνώμη ἀποφασισμένη*), т. е. такую, которая про- явила себя во внѣшнемъ выраженнн. Невозможность пониманнн намѣреннн въ смыслѣ скрытой, внутренней мысли, православ- ные богословы доказываютъ тѣмъ, что такая мысль недоступ- на стороннему наблюденнн, а потому пріемлющій таинство никогда не можетъ имѣть необходимой увѣренности въ дѣй- ствительности его полученнн ¹⁾.

3) Намѣреннн совершителя должно, прежде всего, сосре- доточиваться и проявляться на правильномъ и точномъ вы- полненнн установленнаго церковноу чинопослѣдованнн. Совер- шитель „долженъ имѣть крѣпкое намѣреннн... еже по чину церковному дѣйствовать“ ²⁾. Это намѣреннн „состоитъ въ примѣненнн всѣхъ таинственныхъ словъ и дѣйствій ³⁾, „во вниманнн къ тому, что и какъ совершается, въ желаннн со- вершить священнодѣйствіе установленнымъ образомъ... по Богопреданному чину“, ⁴⁾ и прежде всего „должно бытъ устре- млено на внѣшннй актъ“ ⁵⁾.

4) Такое обнаруженнн намѣреннн не должно однако же ограничиваться лишь механически-точнымъ выполненннемъ установленнаго чинопослѣдованнн, безъ всякой мысли о его цѣли и значеннн. Совершитель долженъ имѣть въ виду не просто исполнить установленный рядъ извѣстныхъ словъ и дѣйствій; но совершить дѣйствіе священное, направленное

¹⁾ Иринеи *ibidem*;—Игнатій стр. 259.

²⁾ Св. Тихонъ *ib.*

³⁾ Иринеи *ib.*

⁴⁾ Макаріи *ib.*

⁵⁾ Горскій *ib.*

къ святой, высокой цѣли. Совершая „тайну“, онъ долженъ обнаруживать „мысль, еже освятити тую“¹⁾, „имѣть намѣреніе *соотвѣтственное*“ дѣйствию „*Божественному*“²⁾, не только „еже по чину церковному дѣйствовать“, но „и *совершати тую* (т. е. тайну) *силою Святаго Духа*“³⁾, „совершать *священнодѣйствіе*“⁴⁾. Онъ долженъ устремлять свое вниманіе и намѣреніе“ не только „на внѣшній актъ“; но и „на общую цѣль таинства, и на того, во чье имя и чьею властію таинство совершается“⁵⁾.

5) Нигдѣ въ изложеніяхъ православнаго ученія о намѣреніи совершителя таинствъ не встрѣчаемъ мы разсужденій о достаточности самаго чинопослѣдованія, по которому таинство совершается, и о правильности выражаемыхъ при этомъ догматическихъ воззрѣній, т. е. тѣхъ именно разсужденій, на которыхъ исключительно сосредоточиваютъ свое вниманіе представители римско-католическаго богословія. Символическія книги и богословы православной церкви въ данномъ случаѣ ни слова не говорятъ о томъ, что священнодѣйствующій при рукоположеніи, напр: долженъ имѣть намѣреніе поставлять именно такихъ священнослужителей, которые должны приносить евхаристію, какъ жертву за грѣхи, и какъ такое таинство, въ коемъ Христосъ присутствуетъ тѣлесно. Изъ такого умолчанія, конечно, отнюдь не слѣдуетъ, что будто-бы православная церковь не требуетъ отъ рукополагающаго правоты догматическихъ воззрѣній и безразлично относится къ тому, каковъ чинъ, по которому совершается рукоположеніе, и какія вѣрованія въ немъ выражаются. Въ настоящемъ случаѣ это умолчаніе свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что, по православному воззрѣнію, вопросы о достаточности чина рукоположенія и правотѣ вѣрованій рукополагающаго имѣютъ совсѣмъ особое, самостоятельное значеніе и не должны быть смѣшиваемы съ вопросомъ о намѣреніи.

6) Въ православному ученіи подъ намѣреніемъ совершителя таинствъ разумѣется, по нашему мнѣнію, не намѣре-

1) Православное Ценовѣданіе.

2) Посланіе патріарховъ.

3) Свят. Тихонъ.

4) Пр. Макарій.

5) Прот. Горскій.

ніе *церкви*, какъ разсуждаютъ богословы латинскіе, а именно *личное* душевное расположеніе священнодѣйствующаго, насколько оно проявляется во внѣ и насколько оно можетъ оказывать вліяніе на дѣйствительность совершаемаго таинства. Если имѣть въ виду намѣреніе церкви, то по необходимости придется разсуждать о достаточности чина, предписываемаго церковію для совершенія того или другаго таинства, и о правильности ея догматическихъ ученій, ибо только въ этомъ и можетъ выражаться ея намѣреніе; но въ такомъ случаѣ вопросъ о намѣреніи, очевидно, уничтожается самъ собою, такъ какъ лишается всякаго самостоятельнаго содержанія. Иное дѣло, если подѣ намѣреніемъ мы разумѣемъ личное расположеніе совершителя таинства; о немъ мы можемъ судить совершенно независимо отъ вопросовъ о достаточности чинопослѣдованія, по которому таинство совершается, и о правотѣ догматическихъ ученій, которыя при этомъ выражаются. Въ самомъ дѣлѣ,—припомнимъ тѣ рѣдкіе, исключительные случаи, о которыхъ, какъ мы видѣли, была рѣчь еще во времена блаж. Августина. Представимъ себѣ, что какое-либо таинство, съ точнымъ исполненіемъ всѣхъ, установленныхъ церковію, словъ и дѣйствій, совершается кѣмъ-либо ради кощунственной забавы или издѣвательства надѣ священнодѣйствіями христіанства, или воспроизводится на театральной сценѣ ¹⁾. Или вообразимъ, что какой-либо простецъ-священнослужитель станетъ воспроизводить во всѣхъ подробностяхъ какое-нибудь таинство „для примѣра“, чтобы, въ видѣ урока, показать своему начинающему собрату, какъ оно совершается. Съ точки зрѣнія намѣренія церкви, въ этихъ исключительныхъ случаяхъ, очевидно, никакихъ сомнѣній быть не можетъ. Чинъ употребляется вполнѣ, по существу своему, достаточный; исполняется въ точности и никакихъ догматическихъ заблужденій при этомъ не обнаруживается. Однако не достаетъ здѣсь именно намѣренія, въ смыслѣ надлежащаго личнаго душевнаго настроенія совершителя, ибо каждый изъ дѣйствующихъ въ указанныхъ

¹⁾ При современномъ печальномъ религіозномъ состояніи и сильномъ распространеніи атеизма въ нѣкоторыхъ мѣстахъ западной Европы, едва ли кто рѣшится утверждать, что подобныя явленія совершенно невозможны.

примѣрахъ, хотя и исполняетъ все внѣшности чинопослѣдованія, отнюдь не думаетъ, конечно, совершать священнодѣйствіе, направленное къ святой, высокой цѣли, что ясно обнаруживается во всей обстановкѣ его дѣйствій. Вотъ эти-то исключительные случаи, по нашему мнѣнію, и имѣются въ виду православнымъ ученіемъ о таинствахъ, когда оно требуетъ надлежащаго намѣренія отъ ихъ совершителя. Въ подтвержденіе своей мысли мы можемъ указать на нѣкоторыя выраженія изъ приведеннаго выше свидѣтельства свят. Тихона Воронежскаго. Въ примѣръ того, когда таинство бываетъ недѣйствительнымъ со стороны намѣренія совершителя, святитель приводитъ случай, когда священникъ „въ безпамятствѣ дѣйствуетъ безъ всякаго намѣренія“, т. е. указываетъ недостатокъ въ немъ именно личнаго, надлежащаго душевнаго расположенія.

Если такъ, то, со стороны намѣренія совершителя таинства, мы не имѣемъ повода предъявлять противъ дѣйствительности англиканской іерархіи какія-либо возраженія. При такой постановкѣ дѣла вопросъ о намѣреніи можетъ касаться лишь частныхъ и исключительныхъ случаевъ, которые, каковы бы они ни были, очевидно, никакъ не могутъ имѣть настолько значенія, чтобы на ихъ основаніи можно было возбуждать сомнѣніе въ дѣйствительности цѣлаго учрежденія. Никто, конечно, не отрицаетъ, что англиканскія рукоположенія всегда совершались и совершаются съ точнымъ соблюденіемъ установленнаго англиканскою церковію чина и не въ шутку и не въ безпамятствѣ, а съ полнымъ сознаніемъ важности и святости совершаемаго дѣйствія. Если бы и были указаны нѣкоторые примѣры противнаго, то они свидѣтельствовали бы лишь о томъ, что въ отдѣльныхъ, исключительныхъ случаяхъ рукоположенія бывали недѣйствительными; но по отношенію ко всему учрежденію англиканской іерархіи такіе отдѣльные случаи, какъ всякія исключенія, конечно, не могутъ имѣть существеннаго значенія; они возможны и, быть можетъ, бывали и въ другихъ христіанскихъ церквахъ. Только тогда со стороны намѣренія совершителя можно было-бы возражать противъ всей англиканской іерархіи, если было-бы доказано, что личность архіепископа Паркэра представляетъ собою ея единственный источникъ, а епископы Барлоу, Скори,

Ковердаль и Годжкиясъ, рукополагая его, совсѣмъ не думали относиться къ этому акту, какъ къ дѣйствию священному, и совершали его въ той кощунственной обстановкѣ, какую описываетъ знаменитая легенда о гостинницѣ. При признанной - же несостоятельности этихъ положеній вопросъ *о намѣреніи совершителя* въ изслѣдованіи дѣйствительности англиканской іерархіи не имѣетъ никакого значенія.

Устраняя римско-католическую постановку вопроса о намѣреніи, мы заявляли, что при ней этотъ вопросъ лишается своего содержанія и распадается на другіе, имѣющіе совершенно самостоятельное значеніе. Такимъ заявленіемъ однако мы совсѣмъ не говоримъ того, что и самыя мысли, высказываемыя латинскими богословами подъ видомъ возраженій со стороны намѣренія, несостоятельны по своему существу. Эти мысли несомнѣнно имѣютъ свою извѣстную цѣну, но, по нашему мнѣнію, возражаютъ противъ англиканской іерархіи не со стороны *намѣренія совершителя*, а со стороны достаточности англиканскаго *чина посвященія* и правильности *догматическихъ ученій* этой церкви. Вопросъ о „чинѣ“, т. е. о томъ, что составляетъ „видимую сторону“ таинства священства, былъ уже нами разсмотрѣнъ и относительно англиканской іерархіи мы высказали съ этой стороны свое сужденіе. Теперь мы приходимъ къ другому вопросу, — о догматическихъ ученіяхъ англиканства. Доселѣ мы касались ихъ лишь отчасти, когда, при изслѣдованіи невидимой стороны таинства священства, разсматривали англиканское ученіе объ іерархіи и таинствахъ; теперь намъ предстоитъ сдѣлать обзоръ всей догматической системы англиканства, насколько это необходимо для разрѣшенія вопроса о дѣйствительности іерархіи. Наша задача въ настоящемъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить: въ какихъ пунктахъ вѣроученія и насколько англиканская церковь уклоняется отъ православія и можетъ ли, при такихъ уклоненіяхъ, ея іерархіа быть дѣйствительною.

В. Соколовъ.